0 5225

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1878

[ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ].

ЗАПИСКИ Л. П. НИКУЛИНОЙ-КОСИЦКОЙ,

артистки Императорскихъ Московскихъ театровъ.

1829—1868.

Отъ вниманія будущаго историка русскаго театра не укроется, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что нашъ театръ—основаніемъ, развитіемъ и успѣхами своими обязанъ двумъ сословіямъ, въ былыя времена обреченнымъ на коснѣніе въ невѣжествѣ и ничтожествѣ: именно, сословіямъ купеческому и крѣпостному. Основателемъ русскаго театра былъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ († 4-го апрѣля 1763 г.), сотрудникомъ его въ этомъ великомъ дѣлѣ—Иванъ Аѳанасьевичъ Нарыковъ (Дмитревскій, † 1821 г.)—оба купеческіе сыновья. Краса и слава русскаго театра, Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ († 1817 г.), Провъ Михайловичъ Садовскій († 1873 г.), Димитрій Тимофѣевичъ Ленскій († 1860 г.), принадлежали къ купеческому сословію. Замѣтимъ при этомъ, что купечество наше, вообще, издавна выказывало и донынѣ выказываетъ особенное сочувствіе сценическимъ талантамъ.

Иной взглядъ имѣла наша знать на театръ и на его дѣятелей. У многихъ вельможъ временъ Екатерины, Павла и Александра I были собственные театры съ оперными и балетными труппами, составленными изъ крѣпостныхъ обоего пола [1]). Эту причуду нашего барства Грибоѣдовъ

[1]) Изъ таковыхъ особенную знаменитость пріобрѣлъ театръ графа С. М. Каменскаго, въ Орлѣ (см. о немъ въ «Запискахъ» И. С. Жиркевича «Русская Старина» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 565—569). Здѣсь-же, къ слову, не можемъ не вспомнить о любопытномъ документѣ, который намъ случилось видѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Документъ этотъ былъ списокъ до тридцати лицъ обоего пола, составлявшихъ труппу Бахметьева—барина-любителя театра. Рядомъ съ именемъ актера или актрисы означено было и ихъ амплуа. И всѣ эти «благородные отцы», «резонеры», «первыя любовницы и любовники», «простяки и простушки» были проданы гуртомъ въ казну ихъ помѣщикомъ за 30,000 р. ассигнаціями. Это было въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

осмѣялъ въ своемъ «Горѣ отъ ума»; но была въ этомъ злѣ и своя хорошая сторона. Талантъ крѣпостнаго актера или актрисы иногда пролагалъ имъ путь къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости и, съ тѣмъ вмѣстѣ, къ поступленію на сцену Императорскаго театра. Такова была судьба нашего незабвеннаго Щепкина [1]). Помимо таланта, который снималъ цѣпи рабства съ крѣпостныхъ артистовъ, имъ надобно было обладать огромными запасами силы воли, терпѣнія и неутомимой энергіи; до дебюта на сценѣ придворнаго театра несчастнымъ приходилось бороться со множествомъ препятствій и переносить много горя и испытаній. Побѣдителями изъ подобной борьбы выходили немногіе; большинство гибло, нерѣдко предаваясь тому медленному самоубійству, къ которому такъ склоненъ русскій человѣкъ, когда, думая потопить горе въ винѣ, топитъ въ немъ талантъ, разсудокъ и жизнь. Вникая въ неблагопріятнѣйшія условія, въ которыя въ давно минувшія и еще въ недавнія времена поставлены были артисты, по происхожденію принадлежавшіе къ сословію „крѣпостныхъ", нельзя не сказать, что сила воли тѣхъ изъ нихъ, которые прославились на сценическомъ поприщѣ, конечно, равнялась ихъ громадному дарованію. Тѣмъ болѣе чести и славы, если подобнымъ явленіемъ была женщина—и подобный примѣръ видимъ въ покойной Любови Павловнѣ Никулиной-Косицкой, «Записки» которой представляемъ нынѣ читателямъ „Русской Старины".

Л. П. Никулина-Косицкая родилась въ 1829 г., въ семействѣ крѣпостныхъ людей, принадлежавшихъ какому-то россійскому душе-владѣльцу. Проданная во вторыя руки, семья Косицкихъ попала изъ огня да въ полымя; выкупившаяся на волю—она обрекла малютку на тяжкій и непосильный трудъ. Дѣтство Косицкой проведено было на берегахъ Волги, подъ шумъ волнъ которой русскій человѣкъ сложилъ множество заунывныхъ и разудалыхъ пѣсенъ, завѣщанныхъ однимъ поколѣніемъ другому. Этимъ пѣснямъ вторила звонкимъ своимъ голоскомъ и малютка Любаша. Проблески поэзіи особенно замѣтны въ тѣхъ мѣстахъ ея «Записокъ», гдѣ она вспоминаетъ о Волгѣ. Въ отроческихъ лѣтахъ, отданная въ услуженіе къ одной барынѣ, Косицкая была взята ею однажды въ театръ и съ этой минуты почувствовала къ нему такую непреодолимую страсть, что, покинувъ родныхъ, поступила на провинціальную сцену и до четырнадцати лѣтъ скиталась въ разныхъ труппахъ по губернскимъ и ярмарочнымъ городамъ. Извѣстно, что антрепренеры провинціальныхъ театровъ, располагая самымъ незначительнымъ персоналомъ актеровъ и актрисъ, заставляютъ ихъ играть безразлично въ трагедіяхъ и фарсахъ, въ операхъ и даже въ балетахъ—безъ всякаго дѣленія

---

[1]) О выкупѣ М. С. Щепкина изъ крѣпостной зависимости была напечатана въ «Русской Старинѣ» статья М. А. Имберха, «Русская Старина» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 152—154.

труппы по амплуа. Такимъ образомъ, на провинціальныхъ сценахъ, сплошь да рядомъ, Гамлетъ представляетъ Филатку, Чацкій пляшетъ въ дивертиссементѣ и Хлестаковъ поетъ въ оперѣ. Актриса въ одинъ и тотъ-же вечеръ является Офеліей и комической старухой. Эта масса разнохарактерныхъ ролей, исполняемыхъ однимъ и тѣмъ-же лицомъ, даетъ талантливому актеру или актрисѣ возможность многогранно отшлифовать свое дарованіе, что было именно съ Косицкой. Въ 1844 году, по счастливой случайности, она поступила въ московское театральное училище, откуда черезъ три года была выпущена на сцену, и, года черезъ два, была уже любимицею публики. Она играла въ трагедіяхъ, комедіяхъ, драмахъ и водевиляхъ и въ большинствѣ ролей возбуждала восторгъ зрителей изяществомъ исполненія и искренностью чувства. Репертуаръ ролей, игранныхъ Косицкою, поражаетъ своимъ разнообразіемъ; изъ нихъ укажемъ лишь на роли, пользующіяся давней извѣстностью. Таковы: Регана (Король Лиръ), Дездемона (Отелло), Офелія (Гамлетъ), Юлія (Ромео и Юлія), Луиза (Коварство и Любовь), Мама (Недоросль), Параша-Сибирячка, Груня (Двумужница), Екатерина (Скопинъ-Шуйскій), Амалія (Жизнь Игрока), Марія (Материнское благословеніе—Nouvelle Fanchon) и др. Къ сожалѣнію, въ то же время, Косицкая играла во многихъ мелодрамахъ и пустыхъ водевиляхъ: въ первыхъ, талантливой актрисѣ приходилось тратить жаръ и чувства на безсмысленное фразерство; во вторыхъ—смѣяться самой и смѣшить публику. Наконецъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ появились на сценѣ комедіи нашего высоко-дородитаго писателя А. Н. Островскаго—живьемъ выхваченныя изъ русскаго быта, написанныя языкомъ чуждымъ риторической мишуры, исполненнымъ истиннаго чувства, наконецъ, съ живыми людьми—дѣйствующими лицами, а не съ картонными куклами, выкроенными по французской мѣркѣ. Тогда-то представилась Косицкой возможность выказать въ полномъ блескѣ прекрасную свою способность входить въ роль—смѣяться непритворнымъ смѣхомъ и плакать неподдѣльными слезами.

И вотъ, Косицкая явилась выше всякой похвалы въ комедіяхъ А. Н. Островскаго, въ «Авдотьѣ Максимовнѣ» (Не въ свои сани не садись), «Катеринѣ» (Гроза), «Грушѣ» (Не такъ живи какъ хочется), «Аннѣ Ивановнѣ» (Бѣдность не порокъ).

При добромъ своемъ сердцѣ и уживчивомъ характерѣ, Никулина-Косицкая жила въ ладу съ закулиснымъ міромъ: сослуживцы обоего пола ее любили; но такъ называемыя театральныя «власти» относились къ ней далеко не съ тѣмъ вниманіемъ, котораго она заслуживала, и потому, въ послѣдніе два-три года, по милости, или лучше сказать—по немилости начальства, Косицкая какъ-то стушевалась, отодвинулась чуть не на послѣдній планъ. Къ тому-же, разстроенное здоровье артистки требовало отдыха и внимательнаго леченія. 15-го декабря 1867 года былъ ея прощальный бенефисъ, при которомъ публика

почтила ее оваціею и подарками. Любовь публики глубоко тронула ея любимицу, тогда больную, слабую, пораженную неизлечимымъ недугомъ, который менѣе нежели черезъ годъ — 5-го сентября 1868 года—свелъ ее въ могилу. Прахъ ея покоится на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Теперь, нѣсколько словъ о ея «Запискахъ».

При жизни покойной почти никто изъ ея знакомыхъ и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи. Онѣ сообщены были редакціи «Русской Старины» въ маѣ 1872 года, зятемъ покойной, А. Н. Матвѣевымъ (мужемъ ея дочери), который объяснилъ, что Л. П. Косицкая вела ихъ въ послѣдніе годы жизни, что дочь и зять привели ихъ въ порядокъ послѣ ея кончины. «Записки» эти посвящены воспоминаніямъ о дѣтствѣ и первой молодости артистки и главнѣйшее ихъ достоинство—простодушіе и искренность при совершенномъ отсутствіи какихъ либо притязаній на авторство. Съ первыхъ-же строкъ читатель увидитъ, что «Записки» писаны женщиною простою, учившеюся на мѣдные гроши, совершенно не знакомою съ требованіями печатнаго слова. Впрочемъ, покойная, безъ сомнѣнія, и не готовила къ печати ни своихъ «Записокъ», ни приложенныхъ къ нимъ стихотвореній [1]).

Во всякомъ случаѣ, по заключающимся въ нихъ бытовымъ картинамъ, по эпизодамъ провинціальной закулисной жизни, по подробностямъ біографическимъ «Записки» Л. П. Никулиной-Косицкой на столько любопытны, что мы даемъ имъ мѣсто на страницахъ «Русской Старины»—во исполненіе весьма давняго нашего обѣщанія читателямъ.

Ред.

---

[1]) Между «стихотвореніями» есть романсы изъ піесъ или изъ печатныхъ сборниковъ. Тѣ-же изъ нихъ, которыя, по видимому, принадлежатъ собственному перу покойной артистки, до того слабы, что мы не могли рѣшиться ихъ напечатать.

Ред.

«Милостивый государь и добрый другъ мой И. М. Вы не одинъ разъ просили меня разсказать вамъ повѣсть моей жизни. Я не мало противилась исполненію желанія вашего, боясь отдать на судъ публики правды моей жизни, не потому что эти правды горьки и не хороши, нѣтъ,—правда вездѣ и всегда хороша, какъ бы и гдѣ бы ни проявлялась она, —но мы всетаки боимся правды. Уступая вашему желанію, дѣлать нечего, надо сказать ее. Я отдаю всю жизнь на судъ лицъ достойныхъ и лицъ не стоющихъ быть судьями; но, пусть ихъ судятъ! Вотъ вамъ моя біографія и повѣсть моей жизни... назовите ее какъ хотите!

«Начинаю мой разсказъ съ самаго дѣтства, съ той минуты, какъ память моя запечатлѣла въ себѣ первые образы, а потомъ всѣ впечатлѣнія и случайности, которыя могла сохранить въ себѣ. Я помню хорошо мое дѣтство; но странно: я сохранила въ памяти болѣе горькія минуты или, въ самомъ дѣлѣ, ихъ было болѣе чѣмъ хорошихъ?»

Л. Косицкая.

I.

Семья крѣпостныхъ. — Типы помѣщиковъ и помѣщицъ стараго времени. — Первыя впечатлѣнія. — Семейныя дрязги. — Горемычное дѣтство.—П. А. Долгонова.

Мы были дворовые крѣпостные люди одного господина, котораго народъ звалъ собакою. Мы, бывши дѣтьми, боялись даже его имени, а онъ самъ былъ воплощенный страхъ. Я родилась въ домѣ этого барина, на землѣ, облитой кровью и слезами бѣдныхъ крестьянъ. Помню страшныя казни, помню стоны наказуемыхъ— они до сихъ поръ еще звучатъ въ моихъ ушахъ! Боже мой! Какой страхъ былъ имъ наведенъ на всѣхъ его подданныхъ. Когда онъ, бывало, выходилъ изъ дому гулять по имѣнію, дѣти прятались отъ страха подъ ворота, подъ лавки, а кто не успѣвалъ сдѣлать этого—тотъ непремѣнно бывалъ битъ. Онъ говорилъ, что онъ не сытъ, когда не измучитъ кого нибудь, и ему обѣдъ не въ обѣдъ! Жена его и дѣти не смѣли быть добрыми, еслибъ и хотѣли! Они были изнурены муками другихъ. У помѣщика этого были еще три брата и одинъ одного былъ лучше: перваго изъ нихъ крестьяне распяли, другаго убили; этотъ былъ еще всѣхъ добрѣе и умеръ своею смертью, въ Нижнемъ-Новгородѣ. И до сихъ поръ трудно мнѣ объяснить себѣ любовь этого господина и его семейства ко мнѣ; они всѣ любили и ласкали меня, по-

тому ли, что я была занимательный ребенокъ, или потому, что мать моя была первый человѣкъ въ домѣ и отецъ мой тоже,—не знаю право, мнѣ только извѣстно, что кара Божія постигла и наше семейство. У нашего господина бѣжали 6 человѣкъ отборныхъ дворовыхъ. У него каждый годъ бѣгали двое-трое, одинъ разъ убѣжали 12 человѣкъ—но побѣгъ этихъ шестерыхъ очень разсердилъ нашего господина, и отецъ мой, какъ старшій во дворѣ, былъ обвиненъ въ потворствѣ этому побѣгу. Его осудили, не слушая оправданій, и въ кандалахъ отправили въ Нижній. Я родилась близь Нижняго, въ селѣ Ждановкѣ, на берегу Волги. И такъ, осужденный мой отецъ отправился въ оковахъ прямо въ острогъ, а у матери все отняли, кромѣ шестерыхъ дѣтей; ее замертво оттащили отъ отца. Мы не долго оставались въ этомъ селѣ, и насъ, полунагихъ, въ однихъ рубашенкахъ и худыхъ шубахъ, подъ стражей отправили въ городъ. Вотъ первая минута горя, которую ощутила душа моя и которая крѣпко врѣзалась въ мою память. Рыданія матери сильно подѣйствовали на мою юную душу, мнѣ было тогда 6 лѣтъ. Это было въ 1835-мъ году. Мы пріѣхали въ Нижній. Дорогою добрые люди кормили насъ, подавали намъ рогожки, чтобы мы не замерзли! Нужда и печаль сокрушили мою мать; она захворала; отецъ сидѣлъ въ острогѣ; намъ было запрещено видѣться съ нимъ. Наконецъ онъ былъ оправданъ и выпущенъ на свободу. Когда онъ пришелъ къ намъ, мы не узнали его,—онъ былъ худъ, блѣденъ, съ впалыми глазами, обросшій бородой; послѣ минутнаго страха мы бросились обнимать его и плакали всѣ; онъ взялъ меня на руки и сказалъ: «слава Богу! Я опять васъ вижу!» И самъ заплакалъ. Его хотѣли вмѣстѣ съ нами возвратить въ село Ждановку, но онъ настоятельно воспротивился этому и сказалъ: «пусть меня сошлютъ въ Сибирь или отдадутъ въ солдаты, но я не пойду назадъ!» Долго его опять пытали. Наконецъ, рѣшились продать насъ знакомому господину, который занималъ тогда важное мѣсто въ Нижнемъ. Мы перешли тогда въ другія руки и, можно сказать, попали изъ ада въ рай. Прежняго нашего барина постигъ гнѣвъ Божій; на него всѣ возстали, и люди и судьба. Семейство его совсѣмъ почти стерлось съ лица земли, они всѣ кончили жизнь свою въ бѣдности и нуждахъ.—Новый баринъ, Г. П., былъ человѣкъ добрый, прекрасный, любимый и уважаемый всѣми. Намъ отвели комнату въ родѣ сарая, боль-

шую; въ ней стоялъ катокъ для бѣлья и много куръ сидѣло на жердочкахъ. У матушки родился еще сынъ. Новая госпожа моя была, нельзя сказать, чтобы очень добрая женщина. Она была высокаго роста, съ широкими плечами, съ гордой осанкой и ястребинымъ лицомъ. На головѣ носила двѣ букли; волосы у ней были черные съ просѣдью, а коса, высоко зачесанная, клалась на бокъ и очень большая гребенка тоже ее удерживала. Когда она, бывало, одѣнется и выйдетъ въ дѣвичью, то земля дрожитъ и все падаетъ ницъ. Чрезъ дѣвичью она проходила въ спальню своей старшей дочери, которая была истинно красавица и вѣрный портретъ своей матушки. Она сама занималась хозяйствомъ, ходила съ кнутомъ по двору, била слугъ за вину и безъ вины, отъ скуки что ли, не знаю—дралась кастрюлями и всѣмъ, что ни попадало ей подъ руку. У ней былъ заведенъ порядокъ такого рода: женщина, имѣющая грудныхъ дѣтей, отпускалась изъ горницы два раза въ день на полчаса, во время обѣда и ужина; въ это время она должна сама поѣсть и дитя покормить; на ночь всѣ отпускались по домамъ. Дѣти были не живучи въ этомъ домѣ: кто сгоритъ, кто обварится, кто убьется до смерти. Въ это время я была нянькой у маленькаго брата, да у меня былъ помощникъ четырехъ лѣтъ, тоже братъ, и я было утопила моего брата: не знаю что привлекло наше вниманіе на дворѣ, мы оба съ помощникомъ вышли вонъ; маленькій братъ былъ посаженъ на постель матушки, я выдавила ему мѣстечко въ перинѣ; пока мы ходили гулять, перина выдавилась, и дитя полетѣло въ тазъ съ водою. Его насилу откачали. Матушка была ключницею, ей нельзя было отлучаться; отецъ, будучи дворецкимъ, тоже былъ занятъ, и когда мы съ воплемъ просили помощи, матушка заплакала и сказала: «умрите вы всѣ!» и ушла. Птичница намъ оказала помощь, но госпожа наша не дремала. Какъ-то отецъ мой пошелъ къ барынѣ съ докладомъ. Она была въ кладовой, что-то ей не понравилось, она хотѣла ударить отца кастрюлей, да промахнулась: кастрюля упала ей на ногу, ей сдѣлалось дурно, а отецъ ушелъ. За это она вскорѣ нашла средство отмстить ему: всѣ дѣвочки во дворѣ должны были, поочередно, съ шести часовъ утра приходить въ спальню къ ея дочери и дожидаться ея пробужденія; она же вставала въ 11 часовъ. Пришла моя очередь. Въ 6 часовъ я явилась, вхожу въ спальню и вижу на столахъ и этажер-

кахъ разложены конфеты, чудныя и во множествѣ. Я, на седьмомъ году, разумѣется, не отличалась ни благочестіемъ, ни умомъ: взяла двѣ конфеты, одну себѣ, а другую братьямъ, смотрю на ихъ картиночки и занялась ими такъ, что не видала, какъ отворилась дверь и предо мною явилась госпожа моя. Она на меня взглянула, улика была на лицо; я заплакала, упала на колѣни, созналась во всемъ, отдавая ей назадъ конфеты. Она усмѣхнулась, схватила меня обѣими руками за голову и вышвырнула въ дверь; я ударилась о стѣну головою. Она била меня до того, что я потеряла память и потому не знаю сколько и какъ долго наслаждалась она моими мученіями. Меня отнесли домой полумертвою и цѣлую недѣлю у меня изъ ушей текла кровь. Больше я не бывала въ горницѣ и оставалась, на прежнемъ основаніи, нянькою моего маленькаго брата; но съ этой минуты госпожа возненавидѣла насъ и чрезъ годъ мы были проданы въ Балахну, одному добрѣйшему человѣку, у котораго на воспитаніи была моя старшая сестра. Онъ купилъ сестру еще въ колыбели; любилъ отца и мать мою, и вырвалъ насъ изъ рукъ варварки. Она любила свою дочь, и передала ей все злое что̀ могла! Горничная барышни, когда шла чесать ей голову, всегда на колѣняхъ молилась Богу, чтобы Господь смягчилъ ея сердце, и возвращалась всегда съ руками исщипанными въ кровь и съ распухшими щеками! Господи, какъ эта барыня была зла! Она не могла пройти мимо дѣвочки, чтобъ не выдернуть у ней клочекъ волосъ или до крови ущипнуть. И такъ, мы пріѣхали въ Балахну на лодкѣ по Волгѣ; я спала всю ночь такъ крѣпко, что и не слыхала какъ мы проѣхали весь путь; высадились на берегу, покрытомъ кустарникомъ; онъ мнѣ очень понравился, мнѣ стало весело и я запѣла «Что на свѣтѣ прежестоко»; эту пѣсню тогда всѣ пѣли. Матушка ударила меня по затылку и сказала: «дура! Лучше-бы сотворила молитву!» Я перекрестилась, а отецъ сказалъ: «вотъ тебѣ и пѣсня, ишъ распѣлась пѣвица!» Мы пошли прямо въ богатый домъ, стоявшій на берегу залива, съ террасами и балконами, такой веселенькій. Волга изъ его оконъ была видна вся какъ на ладони, и кустарникъ покрывалъ весь песчаный берегъ. Балахна не представляла ничего хорошаго, стоя на плоскомъ берегу Волги. Когда мы пришли, всѣ еще спали; переодѣлись, умылись и пошли прямо въ дѣвичью, подлѣ которой была спальня моей сестры и

другой воспитанницы. Меня научили чтобы я кланялась въ ноги господину и госпожѣ, которымъ мы теперь принадлежали. Когда они встали, насъ позвали въ залу съ колоннами и съ паркетнымъ поломъ. Вся семья господъ и вся семья подданныхъ, состоящая изъ семи человѣкъ, заплакали. Всѣ, отецъ и мать и вся наша семья, бросились господамъ въ ноги. Я ревѣла, а не плакала, ухватилась за ноги моего добраго господина и цѣловала ихъ. Онъ взялъ меня на руки и сказалъ: «Не плачь, малютка, я не буду тебя бить, да и не смѣю, потому что ты вольная! вотъ тебѣ подруги моей дочери, играй съ ними». Тутъ опять послѣдовали слезы. Отцу тутъ же дали должность дворецкаго, а матушкѣ—ключницы. Сестра мнѣ въ этотъ день подарила сундучокъ съ лоскутками; я была очень счастлива, и въ этотъ же день по секрету играла въ саду въ лошадки съ одною изъ моихъ подругъ, которая меня очень полюбила. Она была поболѣе меня, лѣтъ 10-ти; она отняла меня у матушки, я и спала съ ней въ одной комнатѣ. Я помню, она разсказывала мнѣ сказку, какъ рыцарь поѣхалъ на войну и все ѣхалъ, ѣхалъ до другаго дня, такъ и ѣдетъ, а потомъ опять сначала; а я ей сочинила такую же сказку про старика со старухою: эти все шли и сидѣли. Она сердилась на меня и стращала, что отошлетъ въ Нижній, я и пріумолкну. Кормили меня съ барскаго стола, и я, въ короткое время, стала кругла какъ шаръ; бывало упаду и перевернусь раза три и съ трудомъ встану. Мы были въ большомъ почетѣ и любви. Меня никто не бранилъ, кричу ли я, смѣюсь ли, пою ли, мнѣ все съ рукъ сходило! И правда, если Господь создалъ рай такъ же прекраснымъ, какъ этотъ домъ, куда насъ бросила судьба, то ничего бы и желать не надо; духъ ободрился, сердечныя раны зажили—намъ было тепло и хорошо!

Мною забавлялись всѣ. Я была трусиха и бывало всѣ пугаютъ меня; къ тому же, я была глупа, разумѣется, и довѣрчива; ничего не было легче какъ обмануть меня. Вдругъ мнѣ скажутъ, что на небѣ два мѣсяца и начинается страшный судъ; я повѣрю! меня пошлютъ къ матушкѣ просить прощенія и чтобы я призналась ей въ своихъ грѣхахъ — я сдуру все ей и разскажу, а мѣсяцъ на небѣ окажется одинъ, а другой-то въ Волгѣ, а Волга была шагахъ въ пятидесяти отъ дому, гдѣ мы жили. Одинъ разъ я поплатилась жестоко! Меня напугали покойникомъ, нарядился

кто-то въ бѣлое и прошелъ по террасѣ; я, разумѣется, должна была увидать это. Я испугалась ужасно, и опять меня послали каяться. Я возьми да и разскажи матушкѣ, какъ я одинъ разъ украла у нея начинку изъ пирога для своихъ пироговъ изъ глины. Я очень любила глину и лѣтомъ, бывало, пекла по сотнѣ пирожковъ изъ нея и ѣла ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Тутъ меня порядкомъ высѣкли—я поняла въ чемъ штука-то, да и не стала ничего болѣе бояться. Я была очень забавна, говорили всѣ, и по глупости моей была въ особенномъ почетѣ у всѣхъ. Наши добрые господа любили меня и сестру какъ дѣтей своихъ и баловали насъ; ѣли мы съ ними съ одного стола, т. е. намъ высылали. Тутъ былъ еще киргизенокъ; меня нарекли его невѣстою, и онъ уже всегда тоже обѣдалъ со мною и мнѣ было очень весело. Поиграть мнѣ было не всегда пріятно: вообще я какъ-то не любила въ играхъ быть рабою, а непремѣнно хотѣла быть или барыней, или царицей, и когда выбирали барыню другую, а царицы по игрѣ не приходилось, то я очень обиженная удалялась мечтать на берегъ Волги. Тамъ меня находили не одинъ разъ уснувшей, съ опухшими отъ слезъ глазами. Бывши еще ребенкомъ, я любила мечтать, и сколько разъ оставалась безъ обѣда и безъ чаю замечтавшись на берегу Волги. Меня такъ и прозвали бродягою мечтательною. Бывало, на окнѣ засну любуясь на луну, да и просплю всю ночь; проснусь, только шеѣ больно. Жизнь эта была для меня раемъ! Какъ мнѣ было хорошо тогда, Господи! Но дѣйствительно эта жизнь пробудила во мнѣ преждевременную развитость, мечтательность и воспріимчивость. Тутъ я стала быстро осмысливаться. Игру въ куклы я не любила, и свободный, не связанный ничѣмъ ребенокъ, я любила расхаживать по горамъ, да по долинамъ, любя до страсти слушать какъ журчитъ Волга по камешкамъ. Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ я стала себя любить, и никогда въ обиду не давалась; если, бывало, меня кто обидитъ, то я переплачу тутъ, а потомъ не попадайся мнѣ мой обидчикъ: я соберусь съ духомъ и отомщу! Такія бывали трепки, какъ теперь вспомнишь—совѣстно сдѣлается!

Такъ прошелъ годъ, прошелъ и другой, и была я все невѣста киргизенка. Чего, чего не дѣлали съ нами; одинъ разъ заперли насъ въ шкафъ, да и забыли; мы тамъ уснули и чуть-чуть не задохнулись; послали насъ отыскивать, а мы въ шкафѣ!

Когда насъ открыли, мы были чуть живы, и смѣялись надъ нами очень долго. Мнѣ пошелъ девятый годъ; въ это время мой отецъ сталъ проситься на волю. Ему предложили выкупиться. Онъ согласился заплатить за себя и за трехъ братьевъ двѣ тысячи рублей и былъ выпущенъ на горькую волю со всей семьей, а сестра осталась въ домѣ Н. Ф. М.

Не на радость намъ была эта воля: нужда, бѣдность и горе стали нашимъ удѣломъ. Старшій братъ въ кабалу долженъ былъ идти, отецъ тоже, мать, еще одинъ братъ 10-ти лѣтъ, да я должны были жить на квартирѣ. Отецъ употреблялъ всѣ силы, чтобы какъ нибудь кормить насъ, а мать боролась съ тяжелой нуждою, обшивала, обмывала насъ всѣхъ, и на девятомъ году я стала сотрудницею ея въ трудахъ и заботахъ. Стала помогать ей во всемъ: стала шить, стирать бѣлье въ корытѣ на полу и ходить на Волгу полоскать его. У меня были куклы, я любила шить на нихъ разные костюмы—и куклино бѣлье, бывало, тоже выстираю и мнѣ казалось, что этотъ тяжкій трудъ для меня былъ легче, оттого что я тутъ же припутывала свои забавы. Стоя по колѣно въ водѣ, вынимала куклино бѣлье изъ кармана и его мыла, и мнѣ было и тутъ весело. Поймаю бывало щепочку, поцѣлую ее и пошлю въ Балахну и долго гляжу украдкою куда она поплыветъ. Мать моя хотя и была окружена нуждой и заботами, но не забывала просвѣщать насъ и удѣляла хотя часъ времени на наше ученье и учила насъ русской грамотѣ; писать же окончательно выучилась я самоучкою, начиная списывать печатныя буквы. Учили мы псалтырь и евангеліе, вообще законъ Божій, всѣ святыя книги.—Братья стали понемногу помогать намъ. Я трудилась не по дѣтски, и девяти лѣтъ я почти кормила себя. Отецъ мой изнемогъ въ борьбѣ съ нуждою и, какъ простой человѣкъ, сталъ пить постоянно, рѣдкіе дни были трезвые. Все, что добывалось трудами нашими, все это уходило, частью на пропитаніе, а то—тяжело сказать, куда. Мнѣ минуло десять лѣтъ. Сознавая нашу бѣдность и нужды, я всѣми силами дитяти училась разнымъ рукодѣліямъ и Богъ помогалъ мнѣ: не было дѣла, котораго я не поняла бы. Въ десять лѣтъ, я была помогой матери и брала чужія работы, получала за нихъ деньги, иногда вдвое противъ того, что онѣ стоили, за хорошее исполненіе, и добрые люди помогали мнѣ, видя труды мои, и ласкали меня. Хозяйка дома, гдѣ жили

мы, поручила мнѣ учить дочь свою, которая была еще менѣе меня, и она работала со мною, съ десятилѣтней мастерицей. Домъ, въ которомъ мы жили, былъ по самой срединѣ горы, на которой помѣщается весь Нижній, и при домѣ былъ садъ во всю вышину той горы. Изъ этого сада были видны Ока и Волга верстъ на сорокъ кругомъ; и лѣтомъ мнѣ бывало такъ легко и привольно! Встану ранешенько и уйду въ садъ, возьму, разумѣется, работу. У насъ садъ былъ русскій, въ родѣ лѣса; насажали всякой всячины, росло это какъ Богъ велѣлъ — были яблони, малина разныхъ сортовъ, кружевникъ, смородина тоже разная, тутъ и еще какія-то деревья, и дубъ въ этомъ числѣ подлѣ забора. Подъ нимъ была природная скамья и столъ зеленый, двумя гвоздями приколоченный къ столбу посрединѣ, вотъ тутъ-то я и помѣщусь бывало, работаю и пѣсенки попѣваю, а ручейки со всѣхъ сторонъ такъ и журчатъ-журчатъ по мелкимъ камушкамъ. И пѣлось, и слушалось, и работалось въ одно и тоже время время, а что я чувствовала въ то время—не помню, кажется, ничего не чувствовала, а просто было мнѣ хорошо и привольно! Наказанье бывало, идти домой обѣдать. Мать почти всегда бранится, она не долюбливала меня; а иногда станетъ ей меня жалко, ласкать начнетъ, скажетъ: «труженица ты моя! ребенокъ!» Я иногда; бывало, и домой не пойду обѣдать, а пообѣдаю у хозяйки, да и опять въ садъ, и опять пѣть—меня и прозвали пѣвучей-пташкой и еще лунатикомъ, за то, что я все хожу по горамъ да въ водѣ полощусь.—Тутъ домъ нашъ сталъ поправляться, отецъ пересталъ пить и цѣлый годъ не пилъ. Мы зажили порядочно, трудясь вкупѣ, и наша квартира стала намъ тѣсна. Отецъ нашелъ другую и мы переѣхали. Дѣйствительно, эта квартира была гораздо лучше; я ее очень хорошо помню: кухня съ большею печью и двумя окнами, потомъ чистая комната для спальной и еще чуланъ для меня съ братомъ.—Я отъ сильныхъ трудовъ стала терять зрѣніе и меня на отдыхъ отправили въ Арзамасъ; тамъ жила моя сестра у своей крестной матери въ деревнѣ. Я у нея пробыла почти годъ и тамъ-то я вздохнула какъ слѣдуетъ: ничего не дѣлала и баловали меня ужасно; я стала большая шалунья и хохотуша, кого угодно, бывало, разсмѣшу. Въ этотъ годъ со мною ничего не было. Не могу умолчать о людяхъ, у которыхъ я находилась. Крестная мать моей сестры была оли-

цетворенная добродѣтель и мужъ ея—тоже добрый, простой помѣщикъ, ничего рѣшительно не дѣлавшій, и только любившій за зайцами охотиться. У него была старуха мать, злая-презлая; съ этою старухою я не ладила и обижала ее очень часто за то, что она была жадна очень, а я не любила жадныхъ. Бывало ночью у нея на грядахъ огурцы оберу или макъ порву.—Разъ грѣхъ меня попуталъ: сестра моя, тогда уже невѣста, пошла за огурцами, а меня послала за макомъ. Я приложила свое усердіе и нарвала столько, что чуть унести могла. Меня увидѣлъ сторожъ; отъ него я побѣжала, да потеряй башмакъ, и не думала, что этотъ башмакъ будетъ мой обличитель. Поутру, только что встаю, «пожалуйте, говорятъ, башмакъ мѣрить къ старой барынѣ». Тутъ меня спасло отъ серьезнаго наказанія то, что я скоро уѣзжала; мнѣ только ухо очень нарвали.—Я черезъ два дня уѣхала въ Нижній. Житье наше нашла почти въ роскоши: обѣдъ бывалъ хорошій, и чай по два раза въ день, и гостей у насъ много бывало, и сами мы ходили въ гости.

Тутъ случилось съ нами величайшее несчастіе; дѣло было осенью, но дни стояли ясные, теплые; были у насъ гости, напились чаю, закусили, отправились домой, а мы съ матушкой пошли провожать ихъ; отецъ остался дома. Дошли до половины дороги, вдругъ путь нашъ освѣтился: надъ нами стояло зарево. Мы простились съ гостями, пошли домой, и только повернули въ нашу улицу, видимъ, что домъ, гдѣ мы жили, весь охваченъ пламенемъ. Мать покатилась за-мертво. Ее и меня уложили на наши узлы, которыхъ было очень мало, но мой маленькій сундучокъ съ лоскутками былъ цѣлъ, и я была покойна, даже мать уговаривала, чтобы она не плакала. Опять предстояли мнѣ горе, труды и нужды. Правда, мы не просили милостыню, но и не отказывались брать у тѣхъ, которые подавали намъ. Добрые люди пріютили насъ на время; потомъ мы переѣхали опять въ старое свое жилище и, съ Божіею помощью, скоро опять поправились, и я такъ была счастлива, опять увидѣвъ себя въ этомъ гнѣздышкѣ. Пришла зима и тутъ началась моя жизнь съ сознаніемъ и надеждами. Мечты, мечты мои дорогія, какъ сладко и какъ грустно вспоминать объ васъ, какъ вы дороги моему сердцу! Я пишу о томъ, что было такъ давно, но такъ живо воскресаетъ передо мною каждый день моей прожитой жизни, и теперь я

также снова переживаю и смѣюсь и плачу какъ тогда! Мнѣ минуло одиннадцать лѣтъ. Я работала всѣ работы, ничто не вываливалось изъ моихъ рукъ, кромѣ шитья золотомъ и шляпокъ: этого не могла понять, но по тюлю вышивала великолѣпно! Тогда была мода носить тюлевые платки, косынки и мантильи, вышитые синелью и разноцвѣтными шелками; эта-то работа мнѣ очень полюбилась, и я имѣла большіе и хорошіе заказы, одѣвала себя сама и маменькѣ помогала. Къ празднику Пасхи Христовой я получила заказъ на 30 руб.—вышить три косынки синелью. Измучилась я тогда—не отъ трудовъ, нѣтъ—мечты меня одолѣли! Съ какимъ восторгомъ ждала я дня, когда кончу работу и отнесу ее, получу деньги, и куда я ихъ дѣну. Потомъ вдругъ сердце точно оторвется и всю въ жаръ броситъ. Ну, какъ не кончу, захвораю, или перерѣжу ножницами косынку, или ее прорветъ кто нибудь? даже руки бывало задрожатъ... Тамъ опять мечты, какое сошью себѣ платье, и какой куплю платочекъ, а можетъ быть. и на чухоночку достанетъ? какъ маменька будетъ рада—я отдамъ ей половину. Работа кончилась, косынки. всѣ три, готовы. Ночь спать не могу, утра насилу дождалась—всю ночь мечтала. Что̀ же я думала? вотъ завтра встану пораньше и отнесу работу, получу тридцать рублей,—приду назадъ, сейчасъ маменькѣ вручу половину, тамъ въ ряды пойдемъ, куплю себѣ бѣлое кисейное платье съ красненькими и синенькими мушками и розовый газовый платочекъ съ бѣленькими пятнышками,—а на чухоночку не достанетъ; ну, думаю, на Троицу себѣ и чухоночку сдѣлаю, и въ Троицу такъ наряжусь, что меня и не узнаютъ! Встаю; не пивши чаю несу работу и получаю—вмѣсто тридцати рублей—сорокъ, говорятъ, очень хорошо вышито, за то и прибавка! Я чуть съума не сошла! Двѣ радости вдругъ, и чухоночка съ розовыми лентами, и работа понравилась. Вся Пасха стояла грязная и мнѣ ничего нельзя было надѣть, чему даже я была рада. Я очень Троицу любила — и все отложила до Троицы. Пришла она, желанная! Платьице хорошенькое я сама сшила; платочекъ чудесный, и чухоночка съ розовыми лентами, все на мнѣ очутилось, и я не знаю гдѣ я была: на небѣ или на землѣ? Но это еще не все, какъ счастье начнетъ баловать человѣка, такъ и не исчислишь его щедротъ. Одѣлась я совсѣмъ, букетъ готовъ, хочу идти къ обѣднѣ; вижу—идетъ старшій братъ съ

большимъ узломъ. Это, говоритъ, — тебѣ. Развязала узелъ и вижу—розоваго терно салопъ съ зеленымъ бархатнымъ воротникомъ. Этотъ день, конечно, никогда не изгладится изъ моей памяти и останется самымъ отраднымъ воспоминаніемъ на всю жизнь. Я провела его съ родными и, какъ кончили вечерній чай, ушла въ садъ. Солнце начинало садиться, подруги мои были со мною, но я не могла играть: сердце мое такъ было полно радостью и счастьемъ, что мнѣ было жаль этого дня и я слѣдила за солнышкомъ, какъ оно опускалось въ Волгу. Хорошъ былъ этотъ день! Природа смолкла, стихла; только дыханье человѣка, да журчанье ручейка прерывали эту чудную тишину. Подруги мои ушли; я осталась въ саду и безъ нихъ мнѣ стало лучше—я вся углубилась въ природу и ничего не видѣла и не слыхала, кромѣ солнца Божьяго, да птички чирикали, прощаясь съ нимъ, да журчали ручейки и падали въ прудъ въ сосѣдній садъ. Какъ хороши эти дни и вечера въ Нижнемъ! Солнце опускаетъ свои золотые лучи въ Волгу-матушку, а она, родная моя, бѣжитъ; отъ захожденія солнца вся сдѣлается золотая. Мнѣ тогда думалось, что Волга съ Окою сестры, бѣжали, бѣжали обѣ да столкнулись въ Нижнемъ, обнялись, да и пошли своимъ вѣчнымъ путемъ вмѣстѣ. Я не могла спать и эту ночь, не хотѣла и не пошла ужинать, а осталась въ саду, сидѣла, ходила, опять сидѣла подъ дубомъ, проводила солнышко и стала дожидаться новаго солнышка. Всю ночь пѣсни бурлаковъ долетали до меня; я слышала какъ удары веселъ разрѣзывали воду на Окѣ и какъ въ сосѣднемъ пруду всплескивалась рыбка. Я припала головою на дубовые корни и уснула. Солнышко разбудило меня; было не рано, я пошла домой; у насъ уже и чай былъ готовъ.

Этою же весною былъ со мною еще одинъ случай, который былъ не такъ пріятенъ для меня. Всѣмъ извѣстно, что въ Нижній, по веснѣ, приносятъ, изъ Оранокъ, образъ Владимірской Оранской Божіей Матери. Ее перевозили на лодкахъ на другую сторону, т. е. въ ярмарку и Кунавино, на недѣлю или болѣе. Мы всей семьей пошли провожать ее до перевоза; народу была тьма, уставились всѣ, кому гдѣ пришлось; мы встали на плотахъ, далеко отъ берега. Былъ вѣтеръ, довольно сильный; мы цѣлою семьею заняли уголъ; я стояла на самомъ краю. Когда образъ былъ поставленъ на лодку, то садились въ лодки всѣ

кто успѣвалъ, лодки отходили отъ берега и какъ дождикъ сыпали по Окѣ. Стали отдавать лодку отъ плота, а на косныхъ лодкахъ, вмѣсто руля, имѣется очень длинное и широкое весло рулевое. Это самое весло задѣло по мнѣ и сшибло меня въ воду; я юркнула какъ камень, меня схватили за волосы и выхватили; я дохнуть не успѣла ни разу, какъ это все случилось, но испугалась очень и озябла; полежала денекъ въ постели, напилась тепленькаго и на другой день встала еще здоровѣе.

Л. Косицкая.

(Продолженіе слѣдуетъ).